

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Письмо к друзьям Гоголя

«Гоголя нет на свете, Гоголь умер... Странные слова, не производящие обыкновенного впечатления. Умереть Гоголю вдруг нельзя: тело его предано земле, но дух вошел в нашу жизнь, особенно в жизнь молодого поколения. Много, очень много надобно времени, чтоб память о Гоголе потеряла свежесть; забыт, кажется мне, он никогда не будет. Но Гоголь сжег «Мертвые души»... вот страшные слова!..»

Сергей Тимофеевич Аксаков

Письмо к друзьям Гоголя

Гоголя нет на свете, Гоголь умер... Странные слова, не производящие обыкновенного впечатления. Умереть Гоголю вдруг нельзя: тело его предано земле, но дух вошел в нашу жизнь, особенно в жизнь молодого поколения. Много, очень много надобно времени, чтоб память о Гоголе потеряла свежесть; забыт, кажется мне, он никогда не будет. Но Гоголь сжег «Мертвые души»... вот страшные слова! Безотрадная грусть обнимает сердце при мысли, что Гоголь не досказал своего слова, что погиб плод десятилетних вдохновенных трудов, что навсегда исчезли созданные им образы, выступавшие во втором томе «Мертвых душ», первые главы которого он читал многим. Я сам слышал четыре, а С. П. Шевырев и А. О. Смирнова, как говорят, слушали семь глав. И Уленька, и Тентетников с их взаимною любовью, и генерал Быстрищев, и Костанжогло, и братья Платоновы, и многие другие – все погибли, и навсегда! Это ужасно, это невыносимо горько. Но теперь еще не время распространяться об этом. Я обращаюсь к статьям Гоголя, получившим теперь настоящий смысл, к его «Предисловию»

и «Завещанию», напечатанным в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Если б Гоголь был жив, я никогда бы не стал перечитывать этой книги, в свое время не один раз прочитанной мною; но теперь следовало это сделать, и я прочел ее вновь. Поразили меня эти две статьи. Больно и тяжело вспомнить неумеренность порицаний, возбужденных ими во мне и других. Вся беда заключалась в том, что они рано были напечатаны. Вероятно, такое же действие произведут теперь обе статьи и на других людей, которые, так же, как и я, были недовольны этою книгой и особенно печатным завещанием живого человека. Смерть все изменила, все поправила, всему указала настоящее место и придала настоящее значение. Гоголя как человека знали весьма немногие. Даже с друзьями своими он не был вполне или, лучше сказать, всегда откровенен. Он не любил говорить ни о своем нравственном настроении, ни о своих житейских обстоятельствах, ни о том, что он пишет, ни о своих делах семейных. Кроме природного свойства замкнутости, это происходило от того, что у Гоголя было постоянно

два состояния: творчество и отдохновение. Разумеется, все знали его в последнем состоянии, и все замечали, что Гоголь мало принимал участия в происходившем вокруг него, мало думал о том, что говорят ему, и часто не думал о том, что сам говорит; одним словом, Гоголя не могли знать хорошо и потому могли усомниться в задушевности, в правде многих слов его последней книги. Но теперь, когда он смертью запечатлел искренность своих нравственных и религиозных убеждений, кажется наступило время дать полную веру его христианской любви к людям. Речь идет не о том, ошибочны были или нет некоторые мысли и воззрения Гоголя, речь идет о правде его смирения, чистоте намерений, сердечности чувствований и стремления к добру.

Я убедительно прошу всех друзей и почитателей Гоголя обратить особенное внимание на следующие его слова: «Завещаю по смерти моей не спешить ни хвалой, ни осуждением моих произведений в публичных листах и журналах; все будет так же пристрастно, как и при жизни. В сочинениях моих гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того,

что заслуживает хвалу. Все нападения на них были в основании более или менее справедливы. Передо мной никто не виноват; неблагороден и несправедлив будет тот, кто прекнет мною кого-либо в каком бы то ни было отношении».[1]

Неужели теперь мы не поверим в искренность каждой буквы этих слов? Чем можем мы достойнее почтить память усопшего нашего друга, как не самым точным исполнением завещанного им желания? Я знаю, нельзя ожидать общего почтительного молчания хотя на короткое время. Вероятно, много будут писать и уже пишут теперь о Гоголе. Вероятно, некоторые, глубоко, болезненно огорченные смертью любимого и чтимого художника, станут так горячо хвалить его, что оскорбят самолюбие многих; оскорбленные станут возражать с большею неумеренностью; охотно присоединится к ним онемевшее перед таинством смерти старинное недоброжелательство, и закипят над свежую могилу Гоголя новые вражды, тогда как сердце его билось одним желанием, чтоб люди жили в мире и любви. Не будет ли это истинным оскорбле-

нием памяти Гоголя, который никогда ни к кому не питал неприязни, даже скоропреходящего гнева: эту истину могут засвидетельствовать не только все друзья, но даже сколько-нибудь знакомые с ним люди. Не заводить новые ссоры следует над прахом Гоголя, а прекратить прежние, страстями возбужденные, несогласия и в этом искать утешения в нашем общем великом горе.

Деревня.

1852 года, 6 марта.

Примечания

«Выбранные места из переписки с друзьями»,
стр. 12.

[^^^]